

«Очень прошу написать об этих благородных людях. Мне хочется через газету выразить глубокую благодарность им за их заботу, внимание и теплоту. Я бы им помню жизни всем памятники поставила...».

Раиса ПРОСКУРЯКОВА,
актриса Новосибирского театра оперы и балета.

КОНЦЕРТ ПРИ ЗАКРЫТЫХ ДВЕРЯХ

Это случилось однажды вечером. Девчонка пела о любви. Про Волгу, про русскую тройку да высокий теремок. Родные напевы России...

Но вот смолкла девчонка, и сразу же тишина взорвалась аплодисментами. А она растерянно смотрела вокруг и не могла прийти в себя. Женщины торопливо обнимали ее и не скрывали слез. У нее тоже вдруг дрогнули губы, и она поняла на чьем-то плече.

Так закончился необыкновенный концерт при закрытых дверях в отделе готового платья.

С тех пор никто в городе не слышал девчонку. В магазине на ее месте стояла уже другая. По привычке люди еще спрашивали о певунье. Потому что в маленьком городе жизнь каждого всем как в зеркале видна. И каждый новый человек всегда привлекает внимание. Вот так однажды заговорили и о ней.

ДЕВУШКА ЗА ПРИЛАВКОМ

Утром директор магазина, совершая обычный обход, задержался в отделе готового платья.

— А ну, красавицы, принимайте пополнение...

Новенькая поздоровалась и улыбнулась всем, как своим знакомым.

— Рая...

Женщины молча переглянулись: совсем ребенок, ей бы в школу еще бегать. Потом они слушали ее («лапу убили на фронте, мама умерла») и вздыхали: да, видно, рано взрослеют дети без материнской ласки...

— Сиротинка, значит?

— Нет, у меня еще бабушка есть. Только она далеко-далеко, в Сибири. Про город Камны слышали? Так это родина моя...

Кареглазая стройная смуглянка сразу полюбила ее. Может, потому, что у иных не было своих детей, а у других они давно уже стали взрослыми, но так или иначе все не чаяли души в пятнадцатилетней сибирячке. И она отвечала всем лаской и приветом.

В магазине народу немного. Все — на виду. Заметили: пальтишко у Раи шито перешито, а в обед лишь бутербродом обходится. Стали ей чего-нибудь вкусенького приберегать. Угощали словно невзначай.

— Рая, иди со мной чай пить...

Прибежит, а ее уже горка сдобных домашних пирожков ждет или горячие пельмени.

Работала она очень душевно. Кажется, ну что тут особенного встретить человека у прилавка. Есть товар —

пожалуйста, берите, а на нет и суда нет. В конце концов всем же не угодишь. А Рая места себе не находит, если покупатель от нее без радости ушел. Непременно остановит:

— Вы, пожалуйста, дней через десять зайдите к нам.

— Что вы, я же сибирячка.

И все-таки мало ли что с девчонкой в пути может случиться. И тогда меж женщинами возник уговор: после работы Раю стали приглашать наперебой в гости, да так и оставляли ее у себя до утра.

— Знаете, а у нее меццо-сопрано, — сказала она.

В клубе Рая имела успех, но, казалось, Римму Львовну это совсем не радовало. Как-то она поспорила с Андреем Рудольфовичем Михельсоном, директором клуба имени Щербакова.

перемены и ради этого не жалела себя. Признаться, Рая давно бы уже бросила занятия. Но когда она вдала, как немолодая уже женщина, мать двоих детей, всю себя бескорыстно отдает ей, девушке становилось мучительно стыдно. И она заставляла себя быть прилежнее, чтобы хоть как-то отблагодарить учителя.

В один из весенних вечеров в магазин заглянул мужчина. По всему было видно, что готовое платье его не очень-то интересует.

— Любомирский Евгений Николаевич, гидрогеолог, — вежливо представился он.

Оказалось, что Евгений Николаевич слышал Раю на концертах в клубе. Спросил, не желает ли она учиться в Москве, ну, скажем, в училище при консерватории. Если да, то он кое в чем ей может помочь.

Рая даже закмурилась. Будто неистовая карусель подхватила и закружила ее в вихре. Все это скорее было похоже на сказку. Еще бы — ни с того ни с сего вдруг объявляется совсем незнакомый человек и зовет ее туда, куда она и в мыслях своих не залетала. Конечно, все это заманчиво, но безнадежно. Она где-то слышала, что из тысячи туда попадают только единицы. Разве может она соперничать с ними?

Евгений Николаевич не спорил и не утешал. Потом улыбнулся и сказал:

— И все-таки почему вы вам не испытать себя?

Но если бы она и решилась, то где найдет столько денег на поездку в столицу.

Да и в Москве у нее никого нет.

— Пусть это вас не беспокоит, что-нибудь придумаем, — был ответ.

Уходя, Евгений Николаевич обернулся:

— Мы верим в вас. Рая недоумевала: почему он сказал «мы»?

С каждым днем девушка с удивлением замечала, как совсем незнакомые люди вдруг стали ей самыми близкими. Работники магазина Клавдия Лаврентьевна Тонарева и Мария Андреевна Коновалова, педагог музыкальной школы Римма Львовна Левина, гидрогеолог ВНИГРИ Евгений Николаевич Любомирский, учителя школ города занялись новыми хлопотами: собирали деньги на дорогу, покупали обно-

вы. Слово большая семья провожала свою дочь в дальний путь. И вот пришел тот последний ее охинский вечер. После работы все остались в магазине.

— Спокойно, Рая, на прощанье...

ШАНСЫ? ДВА ИЗ СТА

Москва встретила ее солнцем и черемухой. Долго стояла Рая у музыкального училища консерватории. С трепетом, с каким входят в храм люди, подавленные его величием, переступила она порог. Если бы там, в Охе, ей сказали, что из шестисот человек на вокальное отделение попадут лишь двенадцать, она бы наверняка осталась дома. Но сама того не ожидая, в Москве Рая

(Окончание на 4-й стр.).

О красоте человеческой

ТЕПЛО СЕВЕРА

И ходит сама не своя, будто в чем-то виновата. Всех на ноги поднимет, склады перетряхнёт, но своего добьется. Зато уж если человек уйдет с обновкой, у нее вроде праздник большой. Ну и люди не забывают добра. В дни женских торжеств ее никогда не обойдут стороной — непременно поздравят.

Жила она далеко за городом, на Медвежке. Не всякий мужчина осмелится вечером в путь через тайгу. А ей хоть бы что — семь километров туда, столько же обратно. Бывало, набросится на город пурга, ну прямо настоящее светопреобразование начинается. В такие минуты в магазине все переживают за Раю. Но где-то около полудня она все-таки вкатится, как снежный ком, и улыбнется этак озорно:

— А вот и я!

— Ох, уж не сносить тебе головы, отчаянная...

Однажды после работы в магазине не поладили двое. Мало ли что между женщинами бывает. Вот-вот могла вспыхнуть ссора и вовлечь всех в перепалку. И вдруг —

...Ивушка зеленая,
Над рекой склоненная,
Ты снажи, снажи, не тая,
Где любовь моя...

Ссоры как не бывало. Женщины сразу притихли, слюночки ушли в себя. Казалось, сердце с сердцем говорит...

— Ты бы в клуб сходил, дочка, — посоветовала Клавдия Лаврентьевна.

Все согласно закивали: да, надо непременно идти. Люди поняли: у Раи есть что-то такое, что не каждому дано. Во всяком случае пусть она попробует себя в самостоятельности.

И тогда кто-то вспоминал:

— Хорошо бы ее Римме Львовне Левиной показать.

Преподаватель музыкальной школы услышала Раю в клубе.

— Вы слышите, какие аплодисменты? Она нравятся публике, а что еще для певицы надо? — убеждал он коллегу.

— Но поймите же: у нее сильное меццо-сопрано. Разве можно такой голос размещать на крик?

— Да кому какое дело — поет, ну и пусть себе поет в свое удовольствие, не сдавался Михельсон.

Но Римма Львовна настояла на том, чтобы Рая серьезно училась.

С вечера до рассвета они оставались одни в музыкальной школе. Гаммы, бесконечные гаммы повторялись изо дня в день. Первые встречи с классикой — и сплошное разочарование: все у Раи звучало просто жалко. Нет, это, видно, не для нее.

Римма Львовна поддерживала ее, как могла, удивительно упорно верила в добрые

ТЕПЛО СЕВЕРА

произвела впечатление. В ее репертуаре были: «Зачем тебя я, милый мой, узнала», «Соловьи» Алябьева, ария Виолетты

«Простите вы навеки». Членам комиссии понравилась сахалинка: приятный голос, хороший слух. Рая оказалась в числе избранных.

Тот день плескался солнцем. А в душе ее, переполненной от счастья, жила песня. Да если бы только могла Рая — обняла бы сейчас всех тех, кто так беззаветно верит в нее! И прежде всего свою радость она разделит с самым близким ей человеком. «Дорогая мамочка!..» Девушка уже не помнит, когда в последний раз повторяла она эти слова. И вот теперь она назовет так женщину, которая стала ей родной. А Римма Львовна Левина, мать двоих детей, отныне будет считать, что в семье у нее их уже трое. Несколько лет из месяца в месяц уходили из Охи в Москву телеграфные переводы.

В столице Рая неожиданно встретила и еще одного наставника, который принял самое живое участие в ее судьбе. Татьяна Павловна Эфес, родственница охичского гидрогеолога Любомирского, взяла юную сахалинку на свое попечение. Женщина высокой культуры, в прошлом учительница, стала приобщать студентку к прекрасному. Об этом Рая охотно рассказывала Римме Львовне.

«...26 октября мы с Татьяной Павловной были в Большом театре. Слушали «Пи-

роизвела впечатление. В ее репертуаре были: «Зачем тебя я, милый мой, узнала», «Соловьи» Алябьева, ария Виолетты «Простите вы навеки». Членам комиссии понравилась сахалинка: приятный голос, хороший слух. Рая оказалась в числе избранных.

Тот день плескался солнцем. А в душе ее, переполненной от счастья, жила песня. Да если бы только могла Рая — обняла бы сейчас всех тех, кто так беззаветно верит в нее! И прежде всего свою радость она разделит с самым близким ей человеком. «Дорогая мамочка!..» Девушка уже не помнит, когда в последний раз повторяла она эти слова. И вот теперь она назовет так женщину, которая стала ей родной. А Римма Львовна Левина, мать двоих детей, отныне будет считать, что в семье у нее их уже трое. Несколько лет из месяца в месяц уходили из Охи в Москву телеграфные переводы.

В столице Рая неожиданно встретила и еще одного наставника, который принял самое живое участие в ее судьбе. Татьяна Павловна Эфес, родственница охичского гидрогеолога Любомирского, взяла юную сахалинку на свое попечение. Женщина высокой культуры, в прошлом учительница, стала приобщать студентку к прекрасному. Об этом Рая охотно рассказывала Римме Львовне.

И снова дни с их мимолетными радостями и невзгодами. И тревожный вопрос: быть или не быть ей в училище после болезни?

«...На экзамене пела песню Ольги из «Русалки» и балладу Маргариты из «Фауста». Все было относительно хорошо. Но за Маргариту я очень боялась, потому что у меня с ней все время большие неприятности...».

«...Вчера впервые за три года выступала в концерте. Пела польскую «Над осоклой над высокой» и «Я за реченьку гляжу» Мокровцова. Публика принимала тепло. Вспомнился Сахалин и все выступления там. И так приятно стало...».

«...У меня этот год немного неудачный — после болезни все время приходится догонять и догонять своих однокурсников. Теперь я почти вошла в норму...».

Однажды педагог познакомил Рая с Надеждой Андреевной Обуховой. Вечер они провели вместе. Знаменитая артистка слушала Рая. Ее очень тронул рассказ девушки о своих далеких друзьях. «Это просто замечательно, что там такие люди живут», — восхищалась Обухова.

На всю жизнь как чудесное видение останется в памяти тот апрельский вечер.

ЧЕТЫРЕ

произвела впечатление. В ее репертуаре были: «Зачем тебя я, милый мой, узнала», «Соловьи» Алябьева, ария Виолетты

Надо прямо сказать: «Простите вы щики получили позавче. Навекни». Членам комиссии понравилось сахалинка: приятный голос, хороший слух. Рая оказалась в числе избранных.

Тот день плескался солнцем. А в душе ее, переполненной от счастья, жила песня. Да если бы только могла Рая — обняла бы сейчас всех тех, кто так беззаветно верит в нее! И прежде всего свою радость она разделит с самым близким ей человеком. «Дорогая мамочка!..» Девушка уже не помнит, когда в последний раз повторяла она эти слова. И вот теперь она назовет так женщину, которая стала ей родной. А Римма Львовна Левина, мать двоих детей, отныне будет считать, что в семье у нее их уже трое. Несколько лет из месяца в месяц уходили из Охи в Москву телеграфные переводы.

В столице Рая неожиданно встретила и еще одного наставника, который принял самое живое участие в ее судьбе. Татьяна Павловна Эфес, родственница охичского гидрогеолога Любомирского, взяла юную сахалинку на свое попечение. Женщина высокой культуры, в прошлом учительница, стала приобщать студентку к прекрасному. Об этом Рая охотно рассказывала Римме Львовне.

«...26 октября мы с Татьяной Павловной были в Большом театре. Слушали «Пи-

роизвела впечатление. В ее репертуаре были: «Зачем тебя я, милый мой, узнала», «Соловьи» Алябьева, ария Виолетты «Простите вы навеки». Членам комиссии понравилась сахалинка: приятный голос, хороший слух. Рая оказалась в числе избранных.

Тот день плескался солнцем. А в душе ее, переполненной от счастья, жила песня. Да если бы только могла Рая — обняла бы сейчас всех тех, кто так беззаветно верит в нее! И прежде всего свою радость она разделит с самым близким ей человеком. «Дорогая мамочка!..» Девушка уже не помнит, когда в последний раз повторяла она эти слова. И вот теперь она назовет так женщину, которая стала ей родной. А Римма Львовна Левина, мать двоих детей, отныне будет считать, что в семье у нее их уже трое. Несколько лет из месяца в месяц уходили из Охи в Москву телеграфные переводы.

В столице Рая неожиданно встретила и еще одного наставника, который принял самое живое участие в ее судьбе. Татьяна Павловна Эфес, родственница охичского гидрогеолога Любомирского, взяла юную сахалинку на свое попечение. Женщина высокой культуры, в прошлом учительница, стала приобщать студентку к прекрасному. Об этом Рая охотно рассказывала Римме Львовне.

«...26 октября мы с Татьяной Павловной были в Большом театре. Слушали «Пи-

ТЕПЛО СЕВЕРА

произвела впечатление. В ее репертуаре были: «Зачем тебя я, милый мой, узнала», «Соловьи» Алябьева, ария Виолетты

Надо прямо сказать: «Простите вы щики получили позавче. Навекни». Членам комиссии понравилось сахалинка: приятный голос, хороший слух. Рая оказалась в числе избранных.

Тот день плескался солнцем. А в душе ее, переполненной от счастья, жила песня. Да если бы только могла Рая — обняла бы сейчас всех тех, кто так беззаветно верит в нее! И прежде всего свою радость она разделит с самым близким ей человеком. «Дорогая мамочка!..» Девушка уже не помнит, когда в последний раз повторяла она эти слова. И вот теперь она назовет так женщину, которая стала ей родной. А Римма Львовна Левина, мать двоих детей, отныне будет считать, что в семье у нее их уже трое. Несколько лет из месяца в месяц уходили из Охи в Москву телеграфные переводы.

В столице Рая неожиданно встретила и еще одного наставника, который принял самое живое участие в ее судьбе. Татьяна Павловна Эфес, родственница охичского гидрогеолога Любомирского, взяла юную сахалинку на свое попечение. Женщина высокой культуры, в прошлом учительница, стала приобщать студентку к прекрасному. Об этом Рая охотно рассказывала Римме Львовне.

«...26 октября мы с Татьяной Павловной были в Большом театре. Слушали «Пи-

роизвела впечатление. В ее репертуаре были: «Зачем тебя я, милый мой, узнала», «Соловьи» Алябьева, ария Виолетты «Простите вы навеки». Членам комиссии понравилась сахалинка: приятный голос, хороший слух. Рая оказалась в числе избранных.

Тот день плескался солнцем. А в душе ее, переполненной от счастья, жила песня. Да если бы только могла Рая — обняла бы сейчас всех тех, кто так беззаветно верит в нее! И прежде всего свою радость она разделит с самым близким ей человеком. «Дорогая мамочка!..» Девушка уже не помнит, когда в последний раз повторяла она эти слова. И вот теперь она назовет так женщину, которая стала ей родной. А Римма Львовна Левина, мать двоих детей, отныне будет считать, что в семье у нее их уже трое. Несколько лет из месяца в месяц уходили из Охи в Москву телеграфные переводы.

В столице Рая неожиданно встретила и еще одного наставника, который принял самое живое участие в ее судьбе. Татьяна Павловна Эфес, родственница охичского гидрогеолога Любомирского, взяла юную сахалинку на свое попечение. Женщина высокой культуры, в прошлом учительница, стала приобщать студентку к прекрасному. Об этом Рая охотно рассказывала Римме Львовне.

«...26 октября мы с Татьяной Павловной были в Большом театре. Слушали «Пи-

И снова дни с их мимолетными радостями и невзгодами. И тревожный вопрос: быть или не быть ей в училище после болезни?

«...На экзамене пела песню Ольги из «Русалки» и балладу Маргариты из «Фауста». Все было относительно хорошо. Но за Маргариту я очень боялась, потому что у меня с ней все время большие неприятности...».

«...Вчера впервые за три года выступала в концерте. Пела польскую «Над осоклой над высокой» и «Я за реченьку гляжу» Мокровцова. Публика принимала тепло. Вспомнился Сахалин и все выступления там. И так приятно стало...».

«...У меня этот год немного неудачный — после болезни все время приходится догонять и догонять своих однокурсников. Теперь я почти вошла в норму...».

Однажды педагог познакомил Рая с Надеждой Андреевной Обуховой. Вечер они провели вместе. Знаменитая артистка слушала Рая. Ее очень тронул рассказ девушки о своих далеких друзьях. «Это просто замечательно, что там такие люди живут», — восхищалась Обухова.

На всю жизнь как чудесное видение останется в памяти тот апрельский вечер. Когда хор училища выступал в Большом театре. Для Рая все тут было свято, и она прямо на пыточках ходила по сцене. Потом все вместе они слушали лучших певцов страны. В общежитие возвращались потрясенные несравненным мастерством. Все это казалось каким-то волшебством. Долго в ту ночь не могли заснуть девочки.

«...Она уже давно живет в большом городе. И почти каждый вечер свет лампы озаряет ее. Да, она счастлива и часто вспоминает тот далекий город на студенкой земле, город своей юности, что стал ей таким родным. И до сих пор там живут и помнят ее друзья. А ее первая наставница по-прежнему учит людей слышать и понимать прекрасное.

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ

Еще дорожке стали они ей, когда у Рая случилась беда. Тяжелая болезнь чадлого уложила ее в постель.

Но Рая не чувствовала щемящей тоски одиночества. Казалось, с нею всегда рядом друзья — далекие и близкие. Часто навещала Татьяна Павловна, приходили педагог и подруги. А сколько трогательных писем и телеграмм, посылок получила она из Охи! Едва она покинула клинику, как сахалинский обком нефтяников прислал ей путевку в Боржом. Отличное питание, воздух, фрукты вернули ей силы и бодрость. На следующий год летом Римма Львовна увезла Рая на курорт в Кисловодск.